

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЕТОВЕДЕНИЯ

«СНОВА В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИЕЗЖАЙТЕ СНОВА...» (Письма Б. Я. Бухштаба и Г. Г. Шаповаловой к А. П. Рудневу)

Публикация А. П. Руднева

Слова, использованные в качестве заглавия публикации, взяты мной из дарственной надписи Бориса Яковлевича Бухштаба (1904—1985) на детской книжке «Рассказы Н. С. Лескова» (Л.: Детская литература, 1985), подаренной им моему отцу в 1966 году. Именно тогда, тринадцатилетним подростком, я впервые услышал это имя. Мой отец Петр Александрович Руднев (1925—1996), впоследствии известный филолог-стиховед, тогда еще только набиравший силу, незадолго перед этим познакомился с Б. Я. Бухштабом и его женой Галиной Григорьевной Шаповаловой (1918—1996), и это положило начало их тесной, никогда и ничем не омрачавшейся дружбе, которая продолжалась до самой смерти обоих. Их переписка, относящаяся к 1968 году, была опубликована в сборнике «Из истории филологии», посвященном 85-летию известного исследователя русской литературы профессора Г. В. Краснова.¹

А я впервые увидел Бориса Яковлевича и Галину Григорьевну, фольклориста и этнографа, ученицу М. К. Азадовского, летом 1967 года в подмосковном писательском Доме творчества «Малеевка», куда в гости к Бухштабу взял меня с собой отец. Помню, что там я неожиданно захворал и меня уложили на кровать в номере, который занимали Бухштабы. Оба они — и Борис Яковлевич, и Галина Григорьевна — были трогательно внимательны ко мне и заботливы. Кроме них в это время в Малеевке отдыхали К. Г. Паустовский и его ближайший дав-

¹ Из истории филологии: Сб. статей и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна, 2006. С. 254—282. Публ. М. К. Свиценой.

Б. Я. Бухштаб. Ленинград, 1970-е гг.

ний друг Р. И. Фраерман, а также известный литературовед И. Г. Ямпольский с женой. Всех этих людей я очень хорошо запомнил — это была, наверное, самая первая в моей жизни встреча с известными литературными деятелями.

В феврале 1968 года работавший тогда в Коломенском пединституте П. А. Руднев организовал очень представительную конференцию по стиховедению, на которую съехался буквально весь ученый Ленинград — там были Л. Я. Гинзбург, С. А. Рейсер, Е. Г. Эткинд, В. Е. Холшевников, Б. Ф. Егоров, а также Б. Я. Бухштаб. Борис Яковлевич был тогда еще нестарым человеком — довольно высокого роста, стройный, в сильных очках, скрывавших очень близорукие глаза — у него смолоду было крайне плохое зрение. Присутствовали на этой конференции и москвичи, и ученые из других городов — М. Л. Гаспаров, В. Д. Сквозников, Е. В. Метельская-Волкова, А. А. Илюшин, В. С. Баевский, З. Г. Минц, В. А. Сапогов, А. Л. Жовтис, М. М. Гиршман и многие другие. Пожалуй, в то время это был единственный в своем роде научный форум, когда в одном месте, в небольшом городке Коломна, в довольно, что называется, заштатном пединституте, собрался почти весь цвет тогдашней филологической науки.

Я был на тот момент еще школьником, но ходил на заседания, слушал какие-то доклады, а с Б. Я. Бухштабом мы виделись и общались у моего отца, в небольшой комнатке, которую он, помнится, снимал, живя там со своей второй женой, в старом, типично провинциальном деревянном доме. Очевидно, там происходили чрезвычайно интересные и увлекательные филологические и всякие другие разговоры, так как люди собирались очень образованные и остроумные.

У меня же, тогда еще совсем желторотого юнца, филологические интересы были, как говорится, в крови, и все смотрели на меня, в том числе и Б. Я. Бухштаб, как на будущего филолога, что всячески, помню, подогревалось моим отцом, который даже хвалился мною. Однако в жизни все складывалось очень непросто.

Б. Я. Бухштаб был милейшим человеком, очень умным и доброжелательным и, несмотря на то, что я был тогда еще полным неопитом, разговаривал со мной совершенно на равных. Надо заметить, что он был человеком вполне земным, «жизненным», как сказал о нем однажды мой знакомый, московский исследователь творчества Ф. И. Тютчева, А. А. Николаев, и вполне практичным.

Года два спустя после этого Борис Яковлевич и Галина Григорьевна приезжали вместе в Коломну, в гости к отцу, и мы часто виделись, гуляли по городу (в этой компании был и мой младший брат Вадим, теперешний известный ученый, а тогда подросток-школьник), мы показывали им исторические достопримечательности, наиболее красивые

и живописные места. А в доме, за вечерним чаем шли, как всегда, всевозможные, очень увлекательные разговоры, и я хорошо запомнил, как Борис Яковлевич прочитал наизусть довольно большую поэму А. К. Толстого «Сон Попова» — на меня это произвело такое впечатление, что я тут же прочел ее и очень быстро выучил наизусть и хорошо помню до сих пор.

А как-то раз погожим летним днем, сидя в уютном саду на скамейке, я читал Борису Яковлевичу вслух корректуру его работы о Тютчеве — главу его книги, которая в скором времени должна была выйти в ленинградском отделении издательства «Художественная литература» под названием «Русские поэты», где помимо статьи о Тютчеве были помещены очерки о Фете, Козьме Пруткове и Добролюбове-поэте. Эту книгу, будучи в начале января 1971 года впервые в гостях у Бухштаба в Ленинграде, я получил от него в подарок с надписью: «Дорогому Сане Рудневу с пожеланиями здоровья, хорошего устройства и всякой радости». Это была первая книга, подаренная мне Бухштабом в качестве новогоднего презента. За ней последовала изданная в 1974 году небольшая книжка «А. А. Фет. Очерк жизни и творчества» с аналогичной надписью: «Дорогому Сане Рудневу с лучшими пожеланиями. Автор. 5 февраля 1974 года». И затем мне был подарен библиографический указатель «Борис Яковлевич Бухштаб. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной и литературной деятельности» (Л., 1984), на котором написано: «Сане Рудневу на добрую память с пожеланиями удач, успехов и радостей. Борис Бухштаб». Датирована эта запись январем 1985 года, когда Борис Яковлевич вступал в последний год своей жизни.

После неожиданной смерти Б. Я. Бухштаба в сентябре 1985 года я продолжал общаться с Галиной Григорьевной и получал от нее книги Бориса Яковлевича, выходившие в свет уже после его ухода из жизни. Это, во-первых, третье издание «Стихотворений и поэм» А. А. Фета в Большой серии «Библиотеки поэта» с надписью: «Дорогому Сане Рудневу на светлую память о Борисе Яковлевиче и с искренним пожеланием успеха во всех творческих начинаниях! 22 февраля 1987 года», а затем книга «Н. А. Некрасов. Проблемы творчества» (Л., 1989), содержащая некрасоведческие работы Бухштаба разного времени. Надпись была аналогичная предыдущей: «Дорогому Сане Рудневу на светлую память об авторе этой книги — Борисе Яковлевиче — его заветная книга. А от меня пожелание успехов во всех начинаниях! Г. Шاپовалова. 8 августа 1989 года».

Как уже говорилось, начиная с 1971 года, приезжая в Ленинград погостить к родственникам, я каждый раз бывал у Бухштабов. Помню, что раньше они жили в мрачноватой, темной квартире на Петроград-

ской стороне, на Пушкинской улице, рядом с площадью Льва Толстого, кажется, с соседями, доводившимися Борису Яковлевичу родственниками. Впоследствии они переехали в отдельную трехкомнатную квартиру на пятом этаже, в доме без лифта, располагавшемся на углу проспекта Энгельса и Светлановской площади, возле Удельного парка. И когда я заходил, особенно, конечно, летом, мы часто с Борисом Яковлевичем ходили гулять в парк, сидели на скамейке и говорили о всяческом. Но больше, пожалуй, запомнились зимние встречи, поздними вечерами, когда все усаживались за круглый стол в небольшой, заставленной книжными стеллажами комнате, на котором, прямо как на скатерти-самобранке, появлялась всегда необыкновенно вкусная еда, водка, на чем-то настоящая, и т. д. Дом Бухштабов был исключительно гостеприимным и хлебосольным, там всегда отменно вкусно угощали — в духе, я бы сказал, старинного хлебосольства, и особенно запомнились роскошные застолья на Рождество и на Пасху, которые неизменно отмечались очень пышно и с большим количеством гостей.

В доме Б. Я. Бухштаба я видел в разное время И. Г. Ямпольского, Г. М. Фридлендера, Л. Я. Гинзбург, Б. Ф. Егорова, известного некрасоведа из Петрозаводска профессора М. М. Гина, К. В. Пигарева, приехавшего из Москвы, которого я знал по музею-усадьбе «Мураново». Несколько позднее я не раз встречался у Бухштаба с известным литературоведом и библиографом М. Д. Эльзоном, некоторое время работавшим секретарем у Бухштаба, в последние годы катастрофически терявшего зрение и в конце концов утратившего возможность читать, но не оставлявшего тем не менее работу до последнего своего дня — буквально.

У нас сложились почти родственные отношения — Борис Яковлевич очень любил моего отца, П. А. Руднева, практически как сына, и эта эстафета, если можно так выразиться, перешла и ко мне, и к моему брату, который, правда, знал его меньше.

Борис Яковлевич, равно как и Галина Григорьевна очень близко к сердцу принимали всевозможные коллизии моей жизни, искренне радовались моим скромным успехам и огорчались неудачам. И всегда очень прямо и нелицеприятно, в частности Борис Яковлевич, говорили со мной об этом. А сложностей и неудач у меня хватало — они всегда всё обо мне знали, можно сказать, что огромный кусок моей жизни прошел на их глазах. Очень огорчался Борис Яковлевич и по поводу моих непростых отношений с отцом, призывая меня быть снисходительнее к нему, терпимее, не придавать трагического значения постоянным размолвкам и недоразумениям, которые, должен заметить, не всегда происходили по моей вине и по моей инициативе, но, увы, это почти не получалось. Так оно было, собственно говоря, всегда, а под

конец особенно обострилось. Со слов М. Д. Эльзона я знаю, что Борис Яковлевич с горечью как-то раз сказал: «Боже мой, какая разобщенная семья и как они все друг друга ненавидят — прямо карамазовщина какая-то и головлевщина вместе взятые». И это было не столь далеко от истины.

Вообще его суждения на разные темы, прежде всего на литературные, всегда поражали своей исчерпывающей точностью и трезвостью, так же, как и его характеристики, иногда очень нелицеприятные, разных людей — *nomina sunt odiosa*.² Он был абсолютно трезвомыслящим человеком. Так, помню, о Салтыкове-Щедрине он говорил, что тот интересен в первую очередь своими отдельными убийственно-хлесткими и остроумными пассажами и фрагментами, нежели всеми своими произведениями целиком, разумеется, за некоторыми исключениями — такими, например, как «Господа Головлевы» или «История одного города». О Лескове говорил, что ему абсолютно не удавались произведения крупного романного жанра — поэтому он терпел такие неудачи со своими, имевшими одиозную известность по политическим в первую очередь мотивам, романами «Некуда», «На ножках», «Обойденные», но неудачи эти происходили, по мнению Бухштаба, не по политическим причинам, а в силу их страшной растянутости и художественной несостоятельности.

Неоднократно приходилось мне слышать от Бухштаба какие-то мимоходом сделанные характеристики людей, с которыми он был так или иначе связан на протяжении жизни — К. И. Чуковского, которого он хорошо знал с молодых лет, А. Н. Толстого и его жены Н. В. Крандиевской-Толстой, П. Е. Щеголева, И. Л. Андроникова, И. С. Зильберштейна, С. Н. Дурылина, В. Б. Шкловского — последнего он уличал в научной недобросовестности — С. С. Гейченко и многих других. Слышал я от него любопытные истории, связанные с внуком Ф. И. Тютчева Николаем Ивановичем Тютчевым, с сыном Н. С. Лескова Андреем Николаевичем Лесковым, дожившим до 1953 года. А я ему как-то рассказал о своей поездке в обществе моих московских знакомых в усадьбу А. А. Фета Клейменово под Орлом — он с большим интересом это слушал и вставлял какие-то замечания и факты, которых я не знал.

Как уже упоминалось, Б. Я. Бухштаб скончался 15 сентября 1985 года, а через 11 лет, 24 ноября 1996 года, не стало Галины Григорьевны Шаповаловой, у которой я бывал после смерти Бориса Яковлевича так же, как и при его жизни. И этот дом навсегда отошел в небытие. И последнее время, попадая в Ленинград и проезжая мимо Светлановской площади на электричке в Комарово, я всегда смотрю на этот

² не называя имен (*лат.*).

дом, хорошо видный из окна вагона, и у меня сжимается сердце. Но память об этих людях у меня осталась навсегда, поэтому я считаю своим долгом опубликовать письма Бориса Яковлевича и Галины Григорьевны ко мне, вернее те из них, которые так или иначе могут представлять какой-то общий интерес. Полагаю, что имею на это моральное право.

Впрочем, не могу здесь не вспомнить и еще один сюжет.

2 декабря 2011 года на страницах еженедельника «Литературная Россия» была опубликована статья главного редактора газеты В. В. Огрызко под заглавием «Страх искореняет стыд» с портретом Б. Я. Бухштаба в молодости, в которой содержалась резко негативная оценка Бухштаба — ученого и человека и, главным образом, его общественного поведения. В статье было написано, что Бухштаб, переживший в 1928 и 1933 годах два кратковременных, к счастью, ареста, после этого будто бы «надломился» и был в течение всей своей последующей жизни «трусом и лизоблюдом», потеряв, по мнению автора статьи, при этом всякий стыд и совесть. А основные работы Бухштаба, определяющие его лицо литературоведа, даже не были названы — скорей всего, по той причине, что автор их просто не знал. На меня это произвело впечатление разорвавшейся бомбы, и я написал В. В. Огрызко очень резкое открытое письмо, где даже не особенно стеснялся в выражениях. Но он, к его чести, надо заметить, незамедлительно его опубликовал под заголовком «Письмо рассерженного читателя / автора» — автором я был назван потому, что много печатался в «Литературной России». Я счел своим долгом встать на защиту памяти и репутации давно умершего крупного ученого, несомненно порядочного человека и моего близкого знакомого.

После смерти Бориса Яковлевича мы с Галиной Григорьевной переписывались уже редко — только обменивались новогодними поздравлениями. О ее смерти я узнал случайно, от молодого, начинающего литературоведа, теперь уже покойного Дениса Устинова, который занимался историей ленинградского литературоведения и готовил публикацию о Г. А. Гуковском, доводившемся двоюродным братом Б. Я. Бухштабу. Я хотел познакомить его с Галиной Григорьевной на предмет предоставления ею каких-то материалов или рассказов, но, увы, не успел.

Письма, написанные преимущественно рукой Г. Г. Шаповаловой (писала в основном она, так как он очень плохо видел), публикуются по автографам, хранящимся в моем домашнем архиве. За отсутствием конвертов, часть писем датируется условно, по содержанию.

1

Конец октября 1968 г. Ленинград

Дорогой Алик!

Я очень была рада получить от тебя письмо и еще такое хорошее. Давно я тебе не писала, и это меня как-то «грызло», но летом я просто не знала, как и куда тебе писать,¹ а весной... мне было не до писем. Ничего хорошего... я писать была просто не в состоянии. Дело в том, что, проработав 29 лет в Пушкинском Доме, я вынуждена была уйти оттуда, ушла и теперь работаю в Институте этнографии АН СССР. Счастлива бесконечно! В Пушкинском Доме от всяких гадов² местного значения я так устала и намучилась, что просто хоть караул кричи. Теперь всё встало на свои места. Занимаюсь я тем же — фольклором — обрядами, и семейно-бытовыми (свадьба, крестины, похороны) и календарно-обрядовыми (щедрилки, колядки, масленица, весенние обряды и т. д.). Окружают меня хорошие, умные люди — никто не стремится сделать мне какую-либо пакость или просто в чем можно ущемить (тьфу-тьфу!). Это очень хорошо!

А летом мы с Борисом Яковлевичем отдыхали в Железноводске. Пили смирновскую воду и знакомились с окрестностями. Прежде всего побывали во всех лермонтовских местах и поняли, что Лермонтов и знал, и чувствовал, и любил Кавказ по-настоящему. И понять Лермонтова по-настоящему можно, только перечитывая его произведения, находясь там, на Кавказе...

Вот бы тебе туда съездить когда-нибудь!

Были мы и в горах: в Черекском ущелье, Баксанском и даже поднимались на гору Чегет по канатной дороге на высоту 3750 м. А рядом, как на ладони, возвышался двугорбый Эльбрус. А вокруг был снег. — Очень здорово!

Но вот фотографии не вышли — подвели казанские обратимые пленки — досада ужасная! А такие были кадры!

Теперь мы с Борисом Яковлевичем много работаем и мало где бываем и что видим, но об этом потом.

Пиши обязательно! Что ты за доклад читал?³ Я не поняла.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

Рукой Б. Я. Бухштаба:

Дорогой Алик! Я тоже очень рад был получить от тебя хорошее письмо. Я рад и за тебя, и за твоего папу, которому сейчас нелегко,⁴ но он преодолеет все трудности, и в конце концов все будет хорошо, лишь

каменитой горе на
высоту 3,350 м. - А рядом,
как из лапы вылезшей
двугорбый слон, А вокруг
богомола. - Очень здорово! Р.
Но вот фотографии не вошли,
подружи казенные административные
мешки - досада ужасная!
А такие были кадры!
Теперь мы с Борисом Яковлевичем
много работаем и мало же бываем
и едо выедем, но об этом потом.
И ты ободрился, это же
делает ты читаешь? Я не помню,
С. С.

Дорогой Алик! Я тоже очень рад был полу-
чить от тебя короткое письмо. Я рад и за тебя, и за тво-
его папу, которому сейчас нелегко, но он преодолевает
все трудности, и в конце концов все будет очень хорошо,
лишь бы он знал, что ты здоров и стремишься быть
сильным и бодрым духом.

Всегда будем рады увидеться с тобой.

Большой привет Вадике.

Твой Б. Я.

Письмо Г. Г. Шаповаловой и Б. Я. Бухштаба к А. П. Рудневу
от конца октября 1968 г. Последняя страница

бы он знал, что ты здоров и стремишься быть сильным и бодрым ду-
хом.

Всегда будем рады увидеться с тобой.

Большой привет Вадике.⁵

Твой Б<орис> Я<ковлевич>.

¹ Летом 1968 г. я болел нервным расстройством и находился два месяца в Москве в больнице.

² Слово вписано над зачеркнутым, не поддающимся прочтению.

³ Речь идет о моем школьном докладе об А. Н. Толстом, который я прочитал во время открытия выставки, посвященной жизни и творчеству Толстого, в литературном кружке Дома пионеров.

⁴ Незадолго перед этим, по приглашению профессора Ю. М. Лотмана, мой отец переехал из Коломны в Тарту и испытывал тяжелейшие бытовые трудности, связанные с отсутствием жилья.

⁵ Мой младший брат.

2

Конец июля — август 1971 г.

Дорогой Алик!

И я и Борис Яковлевич с радостью прочли письмо папы, в котором он пишет, как ты хорошо сдал экзамены.¹ — От всей души поздравляю тебя. Молодец! Ты великолепно доказал всем недоброжелателям, что ты можешь достигать намеченных целей, а стало быть, и найдешь и свое призвание, и свое место в жизни.

А я сейчас пишу тебе под звуки доящегося молока, пахнет коровушкой. Я жду, когда подоят Эльку, и понесу Б<орису> Я<ковлевичу> парное молоко.

Живем мы на берегу дивного по красоте озера Охват. Это в Калининской обл<асти> Андреапольском р<айо>не. В этом р<айо>не я была в экспедиции с группой из 7 человек. Охват был нашим последним пунктом, и сюда я привезла и Б<ориса> Я<ковлевича>. Ему же это место так понравилось, что мы решили здесь провести и отпуск.

Помимо озера нас пленила тишина. Утром я прямо в купальнике бегу в озеро. — Кругом никого. Один сказочный лес, как в стране Берендея.² Так что отдых действительно полный. Питаемся молоком, ягодами, грибами.

На днях, возможно, съездим на озеро Селигер, посмотреть. Он тут в полутора часах езды. Но заранее могу сказать — Охват лучше.

А как у тебя с работой?

Ну, желаю тебе (и Б<орис> Я<ковлевич> тоже) всяческих успехов.

Галина Григорьевна.

Сердечный привет Вадику и всем твоим.

¹ В то время я поступил на филологический факультет Коломенского пединститута, сдав все вступительные экзамены на «отлично».

² Из пьесы А. Н. Островского «Снегурочка» (1873).

3

Октябрь — ноябрь 1973 г. Ленинград

Дорогой Алик!

Я очень рада, что у тебя все идет так хорошо! И занятия и что ты любишь путешествовать — все это увлекательно и интересно. Мы с Борисом Яковлевичем не только раньше, но и теперь стараемся ездить как можно больше, больше видеть старины, красивых мест. Это лето мы все, то есть июль и август — провели в деревне Костромской обл<асти>. Это чудесные места — Нейский р<айо>н. Когда-то здесь было дно моря, — поэтому почва песчаная, леса гл<авным> обр<а-зом> сосновые, а в речках Нее, Номже, Унже и Ингире встречаются куски песчаника с отпечатками доисторических моллюсков, куски лавы, «чертовы пальцы».

Б<орис> Я<ковлевич> весной перенес тяжелую операцию, т. е. деревенский отдых был ему в самый раз.

Не знаю, удастся ли написать в декабре, поэтому заранее поздравляю тебя с наступающим 1974 годом и от души желаю, чтобы он принес тебе светлое счастье, успех, много радостей.

А то, что ты пережил сердечную травму¹ — это не страшно. От этих переживаний настоящий человек становится только богаче духовно, мудрее, терпимее, добрее, а следовательно, как это ни парадоксально — счастливее.

Всего-всего тебе доброго и исполнения желаний — от меня и Бориса Яковлевича.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

¹ Речь идет о моей первой неразделенной любви.

4

7 ноября 1976 г. Ленинград

На почтовой открытке с видом Кавказа

Дорогой Саня!

Мы с Б<орисом> Я<ковлевичем> очень рады, что ты так доволен работой, мне казалось, что именно в Коломне ты найдешь свое настоя-

щее призвание. Экскурсии по городу — это же история и при этом живая. А хорошие экскурсоводы очень ценятся. Даже квартиру искать не нужно,¹ то есть все у тебя будет отлично, если сам захочешь.

А мы чудесно провели лето сперва в Кисловодске, потом в Теберде и Домбае. Много путешествовали и наслаждались горным воздухом, пейзажами, фруктами.

Всего тебе самого доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна> и Б<орис> Я<ковлевич>.

¹ Имеются в виду мои безуспешные попытки устройства в Гослитмузей в Москве, а затем в Ясной Поляне, где необходима была квартира. В Коломне об этом речи не шло, так как я жил у себя дома.

5

21 декабря 1976 г. Ленинград

На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня!

С наступающим Новым годом!

Пусть же он принесет тебе много радостей, счастье, самоутверждение в твоей интересной, по-настоящему интересной работе и чтобы тебя на ней тоже заметили. Всего доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

Б<орис> Я<ковлевич> присоединяется.

6

Апрель 1980 г. Ленинград

Дорогой Саня!

И Борис Яковлевич, и я — мы рады, что у тебя все прошло благополучно с операцией и что ты себя в общем хорошо чувствуешь. Не знаю, правда, хорошо ли путешествовать после операции. Ведь в дороге с человеком все может быть — и удариться, и упасть, и чемоданом толкнуть. М<ожет> б<ыть>, разумнее подождать 2—3 месяца? — Ну, да это дело твое. А мы живем потихоньку. Много работаем, устаем, но рады, что труды не пропадают даром. После бурного юбилея Б<ориса> Я<ковлевича> в декабре,¹ сейчас идут рабочие будни. Почти нигде не бываем. Сходили только на «Гараж»² — очень понравилось — и на «Снегурочку» в Малый³ — тоже отлично. Иногда «балуемся» — «те-

ликом», — вот и все наши развлечения. Благодаря собакам, Б<орис> Я<ковлевич> каждый день полтора-два часа гуляет. А ты когда-либо выходишь просто так — подышать? — Это очень важно для нас — людей умственного труда. Но тебя, очевидно, «прогуливают» экскурсии, которые, надеюсь, ты не бросил. Ты должен очень хорошо водить экскурсии. Да это и интересно. Знаю по себе. Всего тебе доброго и, прежде всего, здоровья.

Б<орис> Я<ковлевич> — кланяется.

Разумеется, будешь в Л<енинга>де, звони и заходи.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

¹ 18 декабря 1979 г. Б. Я. Бухштабу исполнилось 75 лет — этот юбилей, по-видимому, отмечался достаточно широко.

² Известный кинофильм Эльдара Рязанова.

³ Очевидно, речь идет об опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» в Малом оперном театре.

7

15 декабря 1980 г. Ленинград

На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня,

с Новым годом!

Пусть наступающий 1981 год принесет тебе много радостей, счастья, исполнение творческих замыслов и новых желаний!

Г<алина> Г<ригорьевна>.

Б<орис> Я<ковлевич> тоже желает тебе всего самого лучшего. Как твои дела?¹

¹ По-видимому, Г. Г. Шаповалова имеет в виду мои аспирантские дела — в это время я сдавал экзамены кандидатского минимума на факультете журналистики МГУ.

8

11 февраля 1981 г. Ленинград

11-2-81. Ленинград.

Дорогой Саня!

Галина Григорьевна и я поздравляем тебя с выходом твоей первой (так ведь?) печатной работы¹ и благодарим за ее присылку. Материал

ее интересный, но отобран неточно: неясно, почему к окказиональной камерной фразеологии ты относишь названия произведений Толстого, его философские формулировки, символы его произведений («потухшая свеча»), выражения вообще не индивидуальные («недоброе чувство» и пр.). Надо, видно, дать точное лингвистическое определение камерной фразеологии и сделать лингвистические выводы, которых в работе нет.

Будем рассматривать эту статью как предварительную заявку и ждать дальнейшей, более серьезной разработки темы.

Обнимаем тебя.

Г<алина> Г<ригорьевна>.
Твой Б. Бухштаб.

¹ Речь действительно идет о моей первой научной публикации, вышедшей в республиканском сборнике «Проблемы русской фразеологии» (Тула, 1979. С. 75—82) под заглавием «О понятии „камерная фразеология“ (на материале фразеологии семьи Л. Н. Толстого)». При встрече Борис Яковлевич отговаривал меня от занятий лингвистикой, и не зря. Я тогда же занялся литературоведением, что мне гораздо больше подходило.

9

4 января 1983 г. Ленинград

На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня!

Поздравляем тебя с Новым годом!

Пусть наступающий год будет для тебя очень счастливым, полный свершений твоих творческих замыслов и неожиданных радостей.

Г<алина> Г<ригорьевна> и Б<орис> Я<ковлевич>.

Р. S. А отцу не грех было бы и написать, да узнать, как он там. А что Лида¹ просила осенью не приезжать, так ей было не до гостей, так как положение и состояние отца было очень тяжелое, он перенес 2 операции, а она выполняла за него всю нагрузку и дежурила в больнице.

¹ Новинская Лидия Петровна (р. 1937), вторая жена моего отца. Речь идет о Петрозаводском (Карельском) пединституте, где они оба работали.

10

15 января 1984 г. Ленинград
На поздравительной новогодней открытке

Рукой Б. Я. Бухштаба:

Дорогой Саня!

Спасибо за поздравление. И мы с Г<алиной> Г<ригорьевной> тебя поздравляем и желаем тебе здоровья и всяких достижений и успехов. Спасибо за аннотацию в Р. Ж.,¹ по-моему, удачную.

Твой Б. Бухштаб.

Дорогой Саня,

Желаю тебе счастья и успеха во всех начинаниях.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

¹ В № 5 реферативного журнала за 1983 г. (Общественные науки в СССР. Сер.: Литературоведение. С. 94—96) был опубликован мой реферат о книге Б. Я. Бухштаба «Литературоведческие расследования» (М., 1982), в которой были собраны его статьи о разных «сюжетах» русской литературы и литературно-критической полемики XIX в.

11

28 марта 1986 г. Пицунда
На почтовой открытке с видом Нового Афона

Дорогой Саня,

Спасибо тебе за реферативную заметку о моей книге.¹ Если будет возможность — пришли вырезку.

Я сейчас отдыхаю и немного работаю в Доме творчества на Пицунде. Здесь уже весна, деревья цветут и благоухают, птицы поют, что есть мочи. Море дивное, хотя и холодное еще. Когда защита?

Всего тебе доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

¹ Очевидно, речь идет о книге: Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост.: Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. Л., 1985, которая сохранилась в моей библиотеке, однако уточнить, где опубликована была моя заметка, в настоящее время затруднительно.

Грузинская ССР, Абхазская АССР, Новый Афон.
საქართველოს სსრ, აფხაზეთის ავსტრ. ავტონომი.
წყირტყლათი სსრ, აფსწყაი აССР, აფონ ფაц.
Фото В. Панова

Дорогой сам, спасибо тебе за рекомендацию о моей книге. Если будешь в Абхазии, приходи в гости. В настоящее время я работаю в Ветеринарной службе и в настоящее время здесь уже есть ветеринары, которые и занимаются птицей, что еще более важно. Если давайшь, то и холода, когда заката? Ветеринар Г. Г. Шаповалова

140410

Индекс предприятия связи места назначения

Министерство связи СССР

АВИА

Куда? Рудневский
Московской обл.

г. К. Ладикхтв

д. 36, кв. 8

Кому: Шаповалова Г. Г.

Индекс предприятия связи и адрес

1988

Почтовая открытка Г. Г. Шаповаловой к А. П. Рудневу от 28 марта 1986 г.
Лицевая и оборотная стороны

13

10 декабря 1986 г. Ленинград

На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня!

Тебя и маму поздравляю с Новым годом!

Пусть для вас этот год будет счастливым и благополучным. Пусть печатаются твои статьи и благополучно проходит предзащита и защита. Письмо твое получила — спасибо. Жаль, что у тебя нет близких друзей, так было бы как-то теплее и веселее. Ну, да будут, начиная с 1987 года.

Всего доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

14

26 декабря 1987 г. Ленинград

На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня,

с Новым годом!

Пусть наступающий год будет счастливым! Пусть принесет тебе действительно настоящее счастье, большое, светлое, чтобы всё с работой устроилось в лучшем виде, а диссертация идет своим ходом — когда-нибудь дойдет.¹ Торопиться не следует. Привет и поздравление маме. Всего доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

¹ У меня в это время была отложена защита диссертации.

15

10 октября 1988 г. Ленинград

На почтовой открытке с видом стрелки Васильевского острова

Дорогой Саня!

Ты просто молодец. Я получила твой автореферат, спасибо. Тьфу-тьфу-тьфу! Хочется думать, что все пройдет нормально!¹ Автореферат

интересный и говорит о большой, проделанной тобой работе. Ни пуха — ни пера!

Г<алина> Г<ригорьевна>.

¹ Защита моей кандидатской диссертации на тему «Леонид Андреев — публицист и литературно-художественный критик: проблематика, стиль» состоялась 11 ноября 1988 г. на факультете журналистики МГУ и прошла успешно. 15 ноября 1988 г. от Галины Григорьевны пришла телеграмма: «Поздравляю тебя, маму, очень-очень рада. Галина Григорьевна».